

А. А. Курапов**Буддийская обрядность в русско-калмыцких шертях-присягах и договорах XVII — начала XVIII века**

В статье рассматривается использование традиционной буддийской обрядности и легитимации в русско-калмыцких шертях-присягах и договорах XVII—XVIII вв. Определяется значение религиозной составляющей в российской традиции шертования XV—XVII вв. и ее использование российскими властями для интенсификации дипломатического процесса. Выделяются основные этапы распространения буддийской обрядности в российско-калмыцком дипломатическом взаимодействии в XVII—XVIII вв. в ходе политической интеграции калмыцкого народа в Российское государство. На первом этапе в ходе формирования Калмыцкого ханства (30-е гг. XVII в.) буддийские ритуалы использовались наряду с добуддийскими ритуальными элементами (жертвоприношение, клятвы на оружии). Активизация распространения буддизма в Калмыцком ханстве приводит к уменьшению использования добуддийской обрядности в шертях-присягах 50-х — 70-х гг. XVII века, определивших политический статус ханства. В период образования Российской империи (конец XVII — XVIII в.) в новой системе делопроизводства значение религиозных обрядов в российско-калмыцком взаимодействии значительно уменьшается.

Ключевые слова: шерть, присяга, договор, Российское государство, астраханский воевода, Калмыцкое ханство, калмыцкий хан, легитимация.

С начала XVII века калмыцкие этнотерриториальные союзы продвигаются из регионов современной Западной Монголии, Восточного Алтая в глубь территории России вследствие сложной социально-политической и экономической ситуации в Центральной Азии, активно осуществляя дипломатическое взаимодействие с российским правительством и властями на местах, сформировав в низовьях Волги Калмыцкое ханство, просуществовавшее со второй половины XVII века до 1771 г. Оформление подданства и интеграция калмыков в российскую государственную систему проходили через систему шертования.

Шерть являлась действенным юридическим способом интеграции народов, входивших в Россию, в государственную систему страны. Термин «шерть» (от арабского «шарт» — ‘условие договора’) входит в российскую политическую традицию в XV веке [2, с. 4]. С XV века существовал сложившийся алгоритм политических контактов, предшествовавших подписанию договора. В ходе предварительного посольского взаимодействия стороны оговаривали условия договора (присяги), которые и оформлялись в виде шертной грамоты. Договор-шерть скреплялся религиозным обрядом, проводимым обеими сторонами. Вторая сторона договора осуществляла обряд, исходя из своего вероисповедания.

В отечественной историографии существует ряд исследований шертных договоров, авторы которых рассматривали юридическую сторону оформления отношений, религиозный аспект процедуры подписания договоров у народов Сибири, ногайцев и калмыков [1; 4—6, 13; 14; 18; 19].

Одним из первых о шертных договорах высказался российский историк Ф. А. Бюлер, отмечавший, что для азиатских кочевых племен присяги не обладали святостью, являлись средством достижения краткосрочных политических целей и могли нарушаться в случае необходимости, при определенной политической ситуации [3, с. 25].

Современные российские историки также рассматривали значение религиозной составляющей в шертных договорах. Так, А. В. Цюрюмов считает, что шерть являлась в том числе клятвой с соблюдением религиозного ритуала [20, с. 249].

© Курапов А. А., 2018

Е. В. Перевалова характеризует шерть как договор-присягу, легитимированный религиозными ритуалами, первоначально не всегда связанный с принятием российского подданства. Однако позднее шерть становится актом присяги на верность русским царям [6, с. 120].

М. О. Акишин определяет шерть как клятву народов нехристианского вероисповедания, имевшую сакральное значение, затрагивавшую основы мировоззрения приносивших ее лиц [1, с. 241].

В. А. Слугина отмечает, что российским правительством было предписано учитывать религиозную принадлежность стороны, подписывавшей шерть, — обязательства было необходимо скреплять обрядом по вере лица, дающего присягу [14].

Отметим, что российские власти уделяли значительное внимание религиозной стороне шертования. В. А. Слугина считает, что к XVII веку сложился формуляр шерто-приводных грамот, разрабатываемый в Сибирском приказе и направляемый воеводам с наказной памятью [13, с. 23]. Источники подтверждают, что и на последних этапах существования традиции шертей в конце XVII столетия в «Наказных статьях нерчинским воеводам» отмечалось, что необходимо приводить к присяге, определив вероисповедание представителей стороны, ее подписывавшей, чтобы документ был подкреплён святостью религиозного обряда [9, с. 238].

Итак, важнейшим легитимирующим фактором присяг-шертей была религиозная клятва, фиксация положений договора религиозным обрядом.

Рассмотрим элементы буддийской обрядности в отдельных шертных грамотах и присягах приволжских калмыков XVII—XVIII вв., подписанных в Астраханском крае.

В сентябре 1631 г. посланец Хо-Урлюка Хара-Мерген первым из калмыцких послов принес шерть в Астрахани в верности Российскому государству. Послы дали клятву «по своей вере»: принесли в жертву желтую собаку, прошли между пицалей и сабель, прикладывались к личному холодному оружию [15, с. 13]. Первая калмыцкая шерть выстраивала систему взаимодействия калмыцких владельцев с Российским государством, складывавшуюся на протяжении 30—40-х гг. XVII в. Социально-политический кризис в калмыцком обществе, изменение политической ситуации в регионе привели к необходимости заключения нового договора.

В 1649—1650 гг. калмыцкие посланцы дали в Астрахани и Уфе новые шерти от имени калмыцкого хана Дайчина. Так, при подписании шерти в июне 1650 г. калмыцкие послы принесли в жертву собаку и проходили между пицалей, принеся клятву на буддийских ритуальных предметах — четках, бурханах (статуэтках персонажей буддийского пантеона) [12, л. 11].

4 февраля 1655 г. калмыцкими владельцами была подписана шертная запись, по которой калмыцкие представители клялись в верности российскому государю за калмыцких владельцев и простолюдинов [7, с. 356]. Тайша Церен, Дурал-дархан, Чокула шертовали Алексею Михайловичу за Дайчина-тайшу с братьями и всеми улусными людьми, клялись царю в вечном послушании, обещали не иметь дело с государевыми изменниками, не нападать на подданных. В конце шерти приводится формулировка, ставшая распространенной в российско-калмыцких договорах XVII века: «А будет тайши наши и мы улусные люди не учнем так делать, как в сей шертовальной записи написано, и шерть свою и утвержденьем чем нарушим: и на тайшах наших... и на всех улусных людях буди Божий гнев и огненный меч и будем мы прокляты в сем веке и в будущем» [7, с. 357].

Шерть 30 марта 1657 г., подписанная тайшой Мончаком и Манжи-Ялбо под Астраханью, заканчивалась фразой: «А будет мы, тайши, и наши все улусные люди не учнем так делать, как в сей шертовальной записи написано, и шерть свою и утвержденье чем нару-

шим, и на нас, тайшах, и на наших детях, и на улусных людях буди Божий гнев и огненный меч, и будем мы прокляты в сем веке и в будущем» [17, с. 7]. В. Т. Тепкеев отмечает, что в шерти 1657 г. калмыцкие владельцы впервые поклялись быть «в вечном подданстве и послушании», выдали заложников-аманатов и обязались не контактировать с политическими противниками России [17, с. 7]. Потребность в привлечении калмыцких войск к войне с Крымом вызывает необходимость заключения нового договора с Калмыцким ханством. Результатом дипломатической миссии дьяка И. С. Горохова в улусы Дайчина становится подписание новой шерти.

8 июня 1661 г. калмыцкие представители Зоргучи-дархан, Дазан-Кашка и другие подписали новый шертной договор в Астрахани. В «Записи шертной калмыцких тайшей Дайчина и Мончака» также присутствовали элементы буддийской обрядности. Калмыцкие послы «по нашей Калмыцкой вере поклонялись и целовали Борхана» [7, с. 531]. Завершался шертной договор распространенной уже формулировкой, исходя из которой калмыцких владельцев и простолюдинов в случае нарушения договора ожидал «божий гнев», «огненный меч» и проклятие в этом и в будущем веке [7, с. 532]. Активизация русско-калмыцкого дипломатического взаимодействия приводит к заключению нового шертного договора, в котором были сформулированы внешнеполитические обязательства калмыцких владельцев.

9 декабря 1661 г. при урочище Берекете была подписана шертная грамота калмыцкого тайши Мончака на верность калмыков Российскому государству, в которой также была представлена клятва на буддийской атрибутике и оружии: «Я калмыцкий Бунчук-тайша за себя и за отца своего Дайчина-тайшу Урлюкова... и за улусных своих калмыцких родственников владельцев людей... и за улусных их людей шертую, и по своей Калмыцкой вере даю шерть и поклоняюсь, и целую Бога своего Бурхана и молитвенную книгу Бичик и четки, и ножик свой лижу и к горлу прикладываю» [7, с. 561—562]. Завершал договор обряд с клятвой на оружии: «...и на нас тайшах, и на наших детях, и на всех улусных людях будет Божий гнев и огненный меч, и тем ножом, которым я Бунчук-тайша, вынув из ножен, лизал и к горлу прикладывал, от неприятеля буду я зарезан по горлу своему, и будем мы прокляты по своей Калмыцкой вере в сем веке и в будущем» [7, с. 564].

Приход к власти в Калмыцком ханстве Аюки (1642—1724) ознаменовал новый виток внутривосточного кризиса в калмыцких улусах. Ситуация в регионе, обострение международной ситуации в Восточной Европе вновь активизируют русско-калмыцкое дипломатическое взаимодействие. Результатом переговоров 1672—1673 гг. стало подписание новой шерти.

27 февраля 1673 г. в урочище Кантебе, в присутствии боярина и воеводы князя Якова Одоевского, под Астраханью тайшой Аюкой была подписана шертная запись. Ритуальная сторона процедуры была характерна для калмыцких шертных договоров: «...шерть отца своего подкрепляю, шертую по своей Калмыцкой вере, и поклоняюсь, и целую бога своего Бурхана, и молитвенную книгу бичиг, и четки, и саблю на свою голову и к горлу прикладываю» [7, с. 924]. Завершающий обряд также повторялся: «...будет Божий гнев и огненный меч, и тою саблей, которой я Аюкай-тайша, вынув из ножен, на голову и к горлу прикладывал, от неприятеля своего буду я зарезан по горлу своему, и будем мы прокляты по своей Калмыцкой вере в сем веке и в будущем» [7, с. 927].

В. Т. Тепкеев считает, что шерть 1673 г. была очень важна для русско-калмыцких отношений XVII века, поскольку стороны на основании опыта взаимодействия достигли соглашения в политически сложный период для Калмыцкого ханства и юга России [16, с. 52].

Схожую ритуальную формулировку мы находим и в «Записи шертной калмыцкого тайши Аюки Мончакова», подписанной 15 января 1677 г., и в «Записи шертной калмыцкого тайши Аюки Мончакова», подписанной 24 января 1683 г. Калмыцкие владельцы использовали распространенную формулировку: «...шертуем по своей Калмыцкой вере и поклоняемся, и целуем Бога своего Бурхана, и молитвенную свою книгу бичиг, и четки, а саблю на головы свои кладем и к горлам прикладываем...» [8, с. 81, 494]. Традиционная была и концовка шерти. В ней клятвопреступников ожидал «Божий гнев», «огненный меч», смерть от оружия, на котором приносилась клятва во время подписания шертного договора, и проклятие в этом и следующем веке для калмыцких владельцев и простолюдинов [8, с. 85—86, 499].

В конце XVII — начале XVIII века в связи с изменением системы российского делопроизводства шертные договоры уходят из российско-калмыцкого документооборота. Е. В. Первалова отмечает, что в XVIII веке обращение к шерти как к способу принятия российского подданства уходит из российской межведомственной переписки [6, с. 122]. Отметим, что буддийская и буддийская ритуальная атрибутика практически исчезает из договорных статей хана Аюки с астраханскими губернаторами.

Так, 17 июля 1697 г. на р. Камышенке были подписаны договорные статьи между калмыцким ханом Аюки и князем Борисом Голицыным. Известная формула с клятвой на бурханах, буддийской литературе и четках в договоре отсутствовала или не была зафиксирована [9, с. 329—331].

30 сентября 1708 г. на р. Ахтубе были подписаны договорные статьи Аюки-хана и ближнего министра, казанского и астраханского губернатора П. М. Апраксина. В тексте встречается только одна ссылка на религиозную традицию: во 2-й статье договора Аюка-хан клялся по буддийскому вероисповеданию [10, с. 420].

5 сентября 1710 г. в договоре, подписанном на съезде между г. Астраханью и Черным Яром у р. Даниловки калмыцким ханом Аюкой и казанским и астраханским губернатором П. М. Апраксиным, встречаем такую формулировку: «...по вере своей душами обещались» [10, с. 548].

Буддийская традиция возвращается в калмыцкие присяги Российскому государству уже в период «калмыцкого междоусобия» в 20—30-е гг. XVIII в. Так, 17 февраля 1731 г. была подписана «Жалованная грамота на достоинство калмыцкого хана Черен-Дондуку». В присяге Церен-Дондука, данной им в верности Российскому двору 1 мая 1731 г., находим такую формулировку: «Я, Черен-Дондук, хан калмыцкий, обещаюсь и божуся по закону моему пред Бурханом... <...> В заключении сей моей присяги, полагая на чело мое Шакджа-Муни-Бурхана, прилагаю мою печать» [11, с. 382—383].

Заключение

Шерти и договора являются важнейшим источником не только по истории русско-калмыцкого взаимодействия, истории добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России, но и по истории буддизма калмыков.

Подготовка и заключение шертей-присяг калмыцких владельцев осуществлялись в соответствии с устоявшейся в российской дипломатической практике XV—XVII веков схемой. Предварительное взаимодействие калмыцких и российских послов определяло статьи договора (присяги), его основную тему и интересы сторон. Присяга подписывалась на российско-калмыцком съезде, в присутствии калмыцкой светской элиты, буддийского духовенства и астраханских воевод.

Российско-калмыцкий договор-шерть скреплялся религиозным обрядом. Анализ двенадцати шертей-присяг и договоров 30-х гг. XVII — 30-х гг. XVIII в. позволяет сделать вывод об эволюции ритуальной составляющей шертовальной процедуры. В 30-е гг.

XVII в. наряду с буддийскими ритуалами (клятва на буддийских ритуальных предметах) присутствовали и добуддийские ритуальные элементы (жертвоприношение животных, клятва на оружии). Распространение буддийской традиции в Калмыцком ханстве приводит к вытеснению добуддийских верований и добуддийской обрядности из российско-калмыцкого взаимодействия. В шертях-присягах 50—70-х гг. XVII в. добуддийские элементы в ритуальных обрядах, завершавших подписание шертей, отсутствовали. Отказ от практики шертования и переход к новой системе делопроизводства приводят к уменьшению значения религиозных обрядов при подписании российско-калмыцких договоров.

Список использованных источников и литературы

1. Акишин М. О. Шертование народов Сибири при присоединении к России // Вестник Новосибирского государственного университета. 2013. Т. 12, вып. 5: Археология и этнография. С. 233—241.
2. Бережков М. Н. Крымские шертные грамоты. Киев : Типогр. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1894. 22 с.
3. Бюлер Ф. А. Кочующие или оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт // Отечественные записки. 1846. Т. 47, № 7. С. 1—28.
4. Иванов В. Н. Принятие российского подданства народами Якутии в XVII веке // Якутский архив. 2009. № 2. С. 3—6.
5. Конев А. Ю. Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI — XVIII в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 6. С. 172—177.
6. Перевалова Е. В. Шерть, «медвежья присяга» и пляска с саблями // Уральский исторический вестник. 2013. № 4. С. 120—131.
7. Полное собрание законов Российской империи. Т. I. СПб. : Типогр. II Отделения Собственной Его Величества Канцелярии, 1830. 1072 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. Т. II. СПб. : Типогр. II Отделения Собственной Его Величества Канцелярии, 1830. 979 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. Т. III. СПб. : Типогр. II Отделения Собственной Его Величества Канцелярии, 1830. 694 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. Т. IV. СПб. : Типогр. II Отделения Собственной Его Величества Канцелярии, 1830. 890 с.
11. Полное собрание законов Российской империи. Т. VIII. СПб. : Типогр. II Отделения Собственной Его Величества Канцелярии, 1830. 1004 с.
12. Российский государственный архив древних актов. Ф. 119. Оп. 1. 1650. Д. 2.
13. Слугина В. А. Русская и «иноземческая» присяга российскому государю в Сибири в XVII в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сб. материалов четвертой Всероссийской молодежной научной конференции. Новосибирск, 20—26 авг. 2015 г. Новосибирск : Ин-т истории Сиб. отд. РАН, 2015. С. 20—28.
14. Слугина В. А. Шертоприводные записи как инструмент оформления подданства сибирских народов Российскому государю в XVII веке // Вестник Новосибирского государственного университета. 2015. Т. 14, вып. 1. С. 58—65.
15. Тепкеев В. Т. Первые контакты калмыков с органами управления и населением Астрахани в начале 30-х годов XVII в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 11—16.
16. Тепкеев В. Т. Русско-калмыцкие переговоры и шерть 1673 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 46—52.
17. Тепкеев В. Т. Русско-калмыцкие переговоры и шерть 1657 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 4. С. 5—9.
18. Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. М. : Восточная литература, 2007. 255 с.
19. Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII—XVIII веках. Новосибирск : Наука, 1980. 296 с.
20. Цюрюмов А. В. Формирование статуса Калмыцкого ханства // Регионоведение. 2005. № 4. С. 248—255.

Поступила в редакцию 30.01.2018

Курапов Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент
Астраханский музей-заповедник
Российская Федерация, 414000, г. Астрахань, ул. Советская, 15
E-mail: Akurapov78@rambler.ru

UDC 94 (470.47)“16/17”

A. A. Kurapov

Buddhist rituals in the Russian-Kalmyk shert-oaths and treaties of the 17th — early 18th centuries

The article deals with the use of traditional Buddhist rituals and legitimation in Russian-Kalmyk shert-oaths and treaties of the 17—18th centuries. It determines the importance of the religious component in the Russian tradition of the 15—17th centuries donation and its use by the Russian authorities to intensify the diplomatic process. The main stages of the spread of Buddhist ritual in the Russian-Kalmyk diplomatic interaction in the 17—18th centuries are singled out during the political integration of the Kalmyk people into the Russian state. At the first stage, during the formation of the Kalmyk Khanate (30th of the 17th century), Buddhist rituals were used along with pre-Buddhist ritual elements (sacrifice, oaths on arms). The intensification of the spread of the Buddhism in the Kalmyk Khanate leads to a decrease in the use of the pre-Buddhist ritual in the shert-oaths of the 50^s—70^s XVII century, which determined the political status of the Khanate. During the period of the formation of the Russian Empire (end of the XVII—XVIII centuries) in the new system of record keeping, the significance of religious rites in the Russian-Kalmyk interaction was significantly reduced.

Key words: shert (loyalty oath), oath, treaty, Russian state, Astrakhan governor, Kalmyk khanate, Kalmyk khan, legitimation.

Kurapov Andrey Alekseevich, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor
Astrakhan Museum-Reserve
Russian Federation, 414000, Astrakhan, ul. Sovetskaya, 15
E-mail: Akurapov78@rambler.ru

References

1. Akishin M. O. Shertovanie narodov Sibiri pri prisoedinenii k Rossii [Shert-taking ritual of the peoples of Siberia upon accession to Russia]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, vol. 12, is. 5: Arkheologiya i etnografiya, pp. 233—241. (In Russian)
2. Berezhkov M. N. *Krymskie shertnye gramoty* [Crimean Shert Letters]. Kiev, Tipogr. G. T. Korchak-Novitskogo Publ., 1894. 22 p. (In Russian)
3. Byuler F. A. Kochuyushchie ili osedlo zhivushchie v Astrakhanskoi gubernii inorodtsy. Ikh istoriya i nastoyashchii byt [Foreigners as nomads or settled dwellers of the Astrakhan province. Their history and real life]. *Otechestvennye zapiski*, 1846, vol. 47, no. 7, pp. 1—28. (In Russian)
4. Ivanov V. N. Prinyatie rossiiskogo poddanstva narodami Yakutii v XVII veke [Taking Russian citizenship by the peoples of Yakutia in the XVII century]. *Yakutskii arkhiv*, 2009, no. 2, pp. 3—6. (In Russian)
5. Konev A. Yu. Shertoprivodnye zapisi i prislyagi sibirskikh “inozemtsev” kontsa XVI — XVIII v. [Records of shert-taking and oaths of Siberian “foreigners” of the end of the XVI — XVIII century]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2006, no. 6, pp. 172—177. (In Russian)
6. Perevalova E. V. Shert’, “medvezh’ya prislyaga” i plyaska s sablyami [Shert, “bearish oath” and dance with sabers]. *Ural’skii istoricheskii vestnik*, 2013, no. 4, pp. 120—131. (In Russian)
7. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii*. T. I [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. I]. St. Petersburg, Tipogr. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Velichestva Kantselyarii Publ., 1830. 1072 p. (In Russian)
8. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii*. T. II [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. II]. St. Petersburg, Tipogr. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Velichestva Kantselyarii Publ., 1830. 979 p. (In Russian)

9. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii*. T. III [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. III]. St. Petersburg, Tipogr. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Velichestva Kantselyarii Publ., 1830. 694 p. (In Russian)
10. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii*. T. IV [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. IV]. St. Petersburg, Tipogr. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Velichestva Kantselyarii Publ., 1830. 890 p. (In Russian)
11. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii*. T. VIII [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. VIII]. St. Petersburg, Tipogr. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Velichestva Kantselyarii Publ., 1830. 1004 p. (In Russian)
12. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 119. Op. 1. 1650. D. 2.
13. Slugina V. A. Russkaya i "inozemcheskaya" prisyaga rossiiskomu gosudaryu v Sibiri v XVII v. [Russian and "foreign" oath to the Russian sovereign in Siberia in the XVII century]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh: sb. materialov chetvertoi Vserossiiskoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii. Novosibirsk, 20—26 avg. 2015 g.* [Relevant problems of historical research: the view of young scientists. Materials of the fourth All-Russian Youth Scientific Conference. Novosibirsk, 20—26 Aug. 2015]. Novosibirsk, In-t istorii Sib. otd. RAN Publ., 2015, pp. 20—28. (In Russian)
14. Slugina V. A. Shertoprivodnye zapisi kak instrument oformleniya poddanstva sibirskikh narodov Rossiiskomu gosudaryu v XVII veke [Records of shert-taking as an instrument of taking Russian citizenship by Siberian peoples in the XVII century]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, vol. 14, is. 1, pp. 58—65. (In Russian)
15. Tepkeev V. T. Pervye kontakty kalmykov s organami upravleniya i naseleniem Astrakhani v nachale 30-kh godov XVII v. [The first contacts of the Kalmyks with the administration and population of Astrakhan in the early 30^s of the 17th century]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2011, no. 2, pp. 11—16. (In Russian)
16. Tepkeev V. T. Russko-kalmytskie peregovory i shert' 1673 g. [Russian-Kalmyk talks and shert in 1673]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2010, no. 1, pp. 46—52. (In Russian)
17. Tepkeev V. T. Russko-kalmytskie peregovory i shert' 1657 g. [Russian-Kalmyk negotiations and shert in 1657]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2013, no. 4, pp. 5—9. (In Russian)
18. Trepavlov V. V. "Belyi tsar'": obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV—XVIII vv. ["The White Tsar": the image of the monarch and the idea of citizenship among the peoples of Russia XV—XVIII centuries]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2007. 255 p. (In Russian)
19. Umanskii A. P. *Teleuty i russkie v XVII—XVIII vekakh* [Teleuts and Russians in the XVII—XVIII centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980. 296 p. (In Russian)
20. Tsyuryumov A. V. Formirovanie statusa Kalmytskogo khanstva [Formation of the status of the Kalmyk Khanate]. *Regionologiya*, 2005, no. 4, pp. 248—255. (In Russian)